

■ ■ ■ Генезис общественного мнения в современной России на примере поддержки перестройки

Бабич Н.С.

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена проблеме достоверности той картины российского общественного мнения, которая вырисовывается по данным массовых опросов. Предлагается исторический подход к этой проблеме на примере проверки общепринятого предположения об изначально высоком уровне поддержки перестройки в советском обществе. Материалом служат социологические опросы в СССР и России. В работе показано, что общепринятое предположение опирается на три тезиса: (а) об особенно высоком уровне поддержки перестройки на начальных этапах; (b) о восприятии замысла перестройки населением как отвечающего его потребностям; (с) о постепенном снижении поддержки перестройки из-за возникших трудностей. Автор останавливается на каждом из них и демонстрирует, что они не соответствуют имеющимся эмпирическим данным. Представлены результаты сравнительного анализа, показывающие, что (а) поддержка перестройки не была выше обычных уровней одобрения советского руководства населением; (b) население не связывало с перестройкой своих наиболее актуальных ожиданий; (с) снижение поддержки перестройки происходило не параллельно падению уровня жизни, а одномоментно, после ослабления власти Горбачева. По аналогии с общественной поддержкой перестройки можно заключить, что возможное завышение общей поддержки политического режима в современной России представляет собой гораздо менее серьезную проблему по сравнению с внутренней структурой этой поддержки, распределением долей тех, кто высказывает ее декларативно и тех, кто готов воплощать свои политические установки в реальные действия.

Ключевые слова: перестройка, М.С. Горбачев, формирование общественного мнения, массовая поддержка, социологические опросы в СССР, политические реформы, спираль молчания

Для цитирования: Бабич Н.С. Генезис общественного мнения в современной России на примере поддержки перестройки // Коммуникология. 2022. Том 10. № 1. С. 80-96. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-80-96.

Сведения об авторе: Бабич Николай Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: sociolog@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2021. *Принята к печати:* 10.03.2022.

Проблема природы общественного мнения в современной России

Многие исследователи отмечают чрезвычайно высокую роль опросов общественного мнения в современных политических системах, в частности, в поли-

тической системе России. При этом общепризнано, что началом текущего этапа развития института общественного мнения в России может считаться эпоха перестройки, создавшей определенный порядок коллективного обсуждения социально значимых проблем, в котором вспомогательную, но отнюдь не маловажную роль играют массовые опросы. Именно они служат, одновременно, средством повседневной политической рефлексии общества и «обратной связи» между обществом и властью, то есть, в значительной степени формируют политическую идентичность российского социума и описывают контуры коллективных предпочтений в межвыборные периоды. Но насколько достоверной является картина, рисуемая опросами? Критически настроенные исследователи полагают, что фиксируемая в них поддержка действующей власти завышена под влиянием эффектов типа «спирали молчания» [Kalinin 2016], «авторитарного смещения» [Rogov] и «фальсификации предпочтений» [Мельвиль; Kalinin 2018]. С другой стороны, авторы опросов оценивают величину эффекта «спирали молчания» в считанные проценты [Гудков, Дубин, Зоркая], что подтверждается и независимыми экспериментами [Frye et al.]. В настоящей статье мы предлагаем дополнительный, исторически ориентированный подход к пониманию текущих процессов формирования массового сознания и массовых коммуникаций. Его суть такова. Гипотеза «авторитарного смещения» имплицитно предполагает некоторую нисходящую динамику института общественного мнения в современной России – от большей свободы слова к меньшей, от выражения искреннего мнения к его сокрытию и т.п. Существование такой динамики может быть проверено путем обращения к моменту генезиса института. Если в тот период, когда складывалась современная российская практика социально-политической коммуникации, выражение мнений осуществлялось полностью свободно и искренне, то гипотеза «авторитарного смещения» получит дополнительное подтверждение. Если же будет обнаружено, что массовая поддержка власти поддается проблематизации не только в последние годы, но с самого начала ее систематического опросного измерения, это будет означать, что критику такого измерения бессмысленно сосредотачивать на каком-то особенном сегодняшнем «авторитарном смещении». Речь должна вестись о некоторой реинтерпретации самого института общественного мнения и массовой поддержки.

Общественное мнение и перестройка

Наиболее показательным аспектом общественной поддержки власти в момент возникновения практики открытых опросов общественного мнения в эпоху перестройки является отношение к самой перестройке, так как именно оно изучалось в тот момент весьма интенсивно. Обычно считается, что это отношение, изначально воодушевленное, ухудшалось по мере обострения политических и экономических проблем позднего СССР. Описывающего этот процесс нарратива, сконструированного по модели «энтузиазм-разочарование», повсеместно придерживаются как исследователи [Безбородов, Елисеева, Шестаков: 95; Медведев: 451; Шу-

бин: 143-144; Marples: 130], так и непосредственные участники и близкие наблюдатели событий [Горбачев: 373; Грачев: 113; Лигачев: 223]. Например, Борис Ельцин еще в 1987 г. говорил о «волнообразном характере отношения к перестройке»: «Сначала был сильнейший энтузиазм – подъем... Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит»¹.

Нарратив «энтузиазм-разочарование» иногда подвергается сомнениям. Например, И. Земцов, наблюдая перестройку из-за рубежа, характеризовал отношение к ней рабочих и крестьян как «настороженность и недоверие» [Земцов: 315]. Но такие сомнения относительно редки, так как общепринятая интерпретация событий вполне соответствует ожиданиям здравого смысла относительно общественной поддержки неудачных реформ. Между тем, для неуверенности в изначальном энтузиазме населения существуют весомые основания.

Во-первых, перестройка может быть правдоподобно описана в качестве «элитного» проекта, главными интересантами которого выступали не широкие массы, а активные привилегированные меньшинства советского общества, такие как творческая интеллигенция и административный аппарат [Котц, Вир]. В этом качестве она изначально проектировалась как перестройка хозяйственного механизма, порядка выборов, назначения на должности и тому подобных явлений, далеких от повседневной жизни простых людей. В такой ситуации население, не обладающее специальными познаниями, в принципе, не могло выработать качественного информированного отношения к перестройке [Бурдые: 164-167].

Во-вторых, нарратив «энтузиазм-разочарование» во многом полагается на результаты опросов общественного мнения. Но для советского общественного мнения был характерен «дежурный» характер энтузиазма, который полагалось демонстрировать по поводу инициатив руководства. Как писал известный социолог И.С. Кон в 1988 году, «нельзя забывать и о старой привычке словесно одобрять, не обязательно из страха, но и не по совести, любые начинания, идущие «сверху», не вкладывая особых усилий в их реализацию» [Кон: 70].

Наконец, в-третьих, при наличии интенсивно транслировавшегося «сверху вниз» набора идеологических клише, рядовые граждане могли использовать их для описания собственных проблем и потребностей, которые существенно трансформировали смысл соответствующих понятий. Например, как показала Ш. Фицпатрик, активная поддержка «борьбы с вредителями» в 30-х годах 20-го века на селе скрывала за собой в том числе вполне обычное отстаивание своих ущемленных интересов рядовыми колхозниками [Фицпатрик]. Поэтому, демонстрируя поддержку перестройки, те же самые колхозники могли подразумевать, например, улучшение условий собственного труда и быта, а вовсе не социально-политические трансформации, запланированные в ЦК КПСС.

Таким образом, существуют основания для выдвижения гипотезы о том, что перестройка изначально не имела широкой низовой поддержки в советском об-

¹ Стенограммы пленумов ЦК партии. Пленум ЦК КПСС – октябрь 1987 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. № 2, 1989. С. 209-287.

ществе, по крайней мере, в том смысле, который вкладывался в это понятие его авторами – как гласность, демократизация управления и частичная либерализация экономики. А последовавшее за ее негативными последствиями «разочарование» только проявило существовавший с самой середины 80-х годов массовый скепсис.

Обзор исследований массовой поддержки перестройки

Специальный анализ отношения общественного мнения к перестройке имеет практически столь же длительную историю, как и сама перестройка. Именно тогда возникло и повсеместно распространилось представление о ее «всенародном принятии». Так, И.С. Кон писал: «Почему наш народ так дружно принял идею перестройки? Прежде всего, конечно, потому, что она выражает его глубокие потребности и чаяния и воспринимается как возвращение к ленинским нормам общественной жизни» [Кон: 70]. Этот тезис был не голословным, а опирался на обобщенную картину социологических исследований. Такой весьма информированный специалист в области общественного мнения как М.К. Горшков полагал, что уже во второй половине 1986 года опросы «показывали, что в сознании людей растет понимание необходимости начатых преобразований, неотложности перестройки и вместе с тем закономерности связанных с ней больших трудностей. В народе зародилось и крепнет доверие к новому политическому курсу, стремление поддержать его не только словом, но и делом» [Горшков: 330]. Согласно относящемуся к тому же периоду наблюдению Н.В. Злобина, «практически все социологические исследования свидетельствуют, что подавляющее большинство трудящихся поддерживает перестройку» [Злобин: 149]. И действительно, предпринимавшиеся и в Москве, и в провинции, и во всесоюзном масштабе «зондажи мнений» демонстрировали весьма высокие уровни симпатий к перестройке. Так, телефонный опрос, проведенный в Москве в декабре 1988 года, показал, что 70% респондентов полностью поддерживали перестройку, и 23% поддерживали ее с оговорками [Башкирова, Кизиченко: 48]. Аналогичные результаты дало исследование, проведенное в том же году в Калмыкии: абсолютное большинство трудящихся – от 75,9% до 95,6% – приняли и поддерживали перестройку [Лиджи-Горяева: 36]. По данным всесоюзных опросов Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, в марте и ноябре 1988 года, одобряли деятельность ЦК КПСС по руководству перестройкой, соответственно, 73,2% и 71,2% [Уледов: 215].

Но последовавшее развитие ситуации в стране не могло не повлиять и на общественное мнение. Согласно исследованиям Т.И. Заславской, если на первом этапе перестройки (1985–1988) «получившая развитие гласность пробудила интерес народа к политике, социально активизировала людей, зародила у них надежду на демократизацию общества» [Заславская 2002: 106], то затем «непродуктивные и непоследовательные шаги к рынку ухудшили положение многих социальных групп. Несправедливость общественного устройства не уменьшилась,

а усилилась и к тому же стала более явной... Все это привело к разочарованию большинства людей как в замысле перестройки, так и в ее фактических результатах» [Заславская 1991: 12]. По некоторым данным, уже к 1989 году «надежды первых перестроечных лет на быстрое улучшение жизни не оправдывались, и уставшие от слов и обещаний люди переставали верить в перестройку» [Коваль: 243]. В воспоминаниях Ю.А. Левады хронология разочарования несколько смещается, оставляя больше времени для перестроечного энтузиазма: «В конце 80-х общественное мнение выступает преимущественно как фактор массовой поддержки перестройки. С начала 90-х нарастают сомнения в ее успехе и правильности выбранного курса»¹. Эту традиционную линию рассуждений уже в 2000-е годы подытоживает О.М. Здравомыслова: «Опросы общественного мнения, проведенные в СССР, показывали: общество было готово к изменениям, но люди, с энтузиазмом поддержавшие курс перестройки и ее лидера, чувствовали, что в стране существует мощное сопротивление переменам. Природа этого сопротивления была им не до конца понятна, но его сила подавляла людей, снижала их уверенность в успешности перестройки и рождала пессимизм» [Здравомыслова: 367].

Примечателен тот факт, что новейшие (после 2005) исследования динамики массовой поддержки перестройки практически отсутствуют, то есть, этот вопрос по умолчанию считается решенным. Кроме того, даже имеющиеся исследования привлекают узкую эмпирическую базу, ограничиваясь максимум 3 – 4 опросами. Как уже было сказано, достаточно редко встречается и оппонирование доминирующему нарративу. Помимо упомянутого выше И. Земцова, обращает на себя внимание позиция В. Шляпентоха, который, также находясь в эмиграции, пришел к выводу, что «значительная часть – вероятно, даже большинство – советского населения встретила перестройку с безразличием, недоверием к истинным намерениям властей, и с убеждением, что жизнь в их городе, деревне, на фабрике или в колхозе едва ли изменится каким-либо существенным образом» [Shlapentokh: 171]. Однако этот вывод был сделан на сравнительно небольшом объеме косвенных данных, поэтому он нуждается в значительном усилении аргументации для того, чтобы можно было его противопоставить доминирующему нарративу. Рассмотрим возможную логику этой аргументации.

Приведенный краткий обзор нарратива «энтузиазм-разочарование» позволяет разложить его на логические составные части – отдельные тезисы, которые могут быть подвергнуты независимой проверке. Первый из них (обычно неявно подразумеваемый) состоит в том, что перестройка получила у советского населения какую-то особую – очень высокую – поддержку. Значение этого тезиса заключается в дифференцировании одобрения перестройки и, по выражению И.С. Кона, привычного для советского общества приветствия всех прочих

¹ Левада Ю.А. Оглядываясь на пройденное и непродуманное // Полит.ру 30 декабря 2002 [эл. ресурс]: <https://polit.ru/article/2002/12/30/479430/> (дата обращения: 20.09.2021).

начинаний, «идуших сверху». Образно говоря, традиционный нарратив предполагает, что в данном случае можно отличить овации искреннего восторга от дежурных аплодисментов.

Согласно второму тезису, который высказывается уже в явном виде, перестройка отвечала чаяниям народа, по крайней мере, в своем замысле, была воплощением его ожиданий. Именно этот тезис объясняет изначальную поддержку, ведь без соответствия ожиданиям энтузиазм оказывается «повисающим в воздухе», чисто внешним проявлением одобрения, за которым не стоит ни интересов, ни готовности к реальным действиям, немотивированные «восторженные овации» выглядят неискренне.

Третий логический элемент нарратива состоит в том, что поддержка перестройки постепенно уменьшалась по мере пробуксовки реформ и ухудшения экономической ситуации в стране. Функцией этого тезиса является согласование предполагаемого изначального энтузиазма с хорошо известным фактом глубокого неприятия перестройки общественным мнением 1990-х годов [Левинсон]. Без объяснения снижения поддержки более логичным предположением начинается казаться изначальный массовый скепсис.

Все три положения могут быть эмпирически верифицированы на материале социологических опросов второй половины 80-х годов. Истинность этих тезисов будет означать и истинность традиционного нарратива. Если же окажется, что все три тезиса, на которые он опирается, неверны, то это будет сильным аргументом в пользу гипотезы об изначальном отсутствии массовой низовой поддержки у перестройки и в пользу правоты позиций И. Земцова и В. Шляпентоха.

Эмпирическая проверка модели «энтузиазма-разочарования»

Наш анализ уровня реальной поддержки перестройки будет основываться на последовательной проверке выделенных логических оснований традиционного нарратива. Первым из них является особая, высокая поддержка перестройки советским народом. Для того, чтобы верифицировать утверждение о ее существовании, необходимо обратиться к каким-то референтным значениям, уровням поддержки, с которыми можно сравнить отношение к перестройке, чтобы понять, действительно ли оно было «особым».

Очевидными образцами для сравнения в данном случае могут быть непосредственно предшествовавшие перестройке события, такие, как борьба за «укрепление социалистической трудовой дисциплины», развернувшаяся при Ю.В. Андропове. Хотя предполагавшиеся реформы Андропова, безусловно, не сводились к «закручиванию гаек» и содержали уже некоторые проекты будущей перестройки [Лукьянов: 55], внешне они представляли собой скорее противоположность демократизации и либерализации. Поэтому отношение к ним общественного мнения может быть хорошей основой для сравнения. И это отношение, по-видимому, также характеризовалось высокой поддержкой. Во всяком случае, по данным секретной аналитической справки Института социологических исследований

АН СССР, в начале 80-х годов, в период кампании за «укрепление социалистической трудовой дисциплины», большинство респондентов в ответах на открытые вопросы «в качестве первоочередной проблемы, требующей неотложного решения, указывали на проблему борьбы с негативными явлениями в социалистическом обществе (нарушение дисциплины труда, общественного правопорядка, хищения социалистической собственности, злоупотребление служебным положением в корыстных целях и т. п.)», а к 1984 году – после смены политической повестки дня – на первое место вышла «проблема сохранения мира и борьбы за прекращение гонки вооружений. Везде и всеми социальными группами она названа первоочередной» [Иванов: 334-335].

Еще одним образцом для сравнения могут выступать опросы о других – не относящихся прямо к перестройке – политических действиях советского руководства, осуществлявшихся параллельно с ней. Так как перестройка затрагивала широкий спектр вопросов внутренней политики, референтной областью здесь может служить политика международная. И сохранившиеся в Банке данных Института социологии результаты исследований общественного мнения в этой области показывают, что в позднем СССР оно было устойчиво комплиментарным по отношению к власти. Так, в опросе 1985 года «Отношение работающего населения РСФСР к встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана», 91,5% участников отметили, что, по их мнению, советское руководство делает все возможное для сохранения мира¹. А в исследовании 1988 г. «Общественное мнение о московской встрече в верхах между М.С. Горбачевым и Р. Рейганом. Международный барометр мира» 92,6% респондентов ответили утвердительно на вопрос о том, одобряют ли они политику советского руководства в отношении США². Таким образом, высокий уровень поддержки перестройки общественным мнением не был чем-то из ряда вон выходящим. Для СССР подобное высокое одобрение действий руководства было вполне обычным явлением в отношении множества других вопросов, таких как предшествовавшая перестройке внутренняя политика и осуществлявшаяся параллельно перестройке политика внешняя.

Но, если предположить, что поддержка перестройки была чем-то особенным по своей внутренней интенсивности, то такой вариант первого тезиса не находит эмпирического подтверждения. При переходе от обобщенной поддержки к отдельным ее направлениям становится ясна неоднородность и внутренняя противоречивость одобрения перестройки [Тощенко; Shlapentokh; Finifter, Mickiewicz]. Более того, некоторые конкретизированные показатели поддержки оказываются сравнительно невысокими. Так, во всесоюзном опросе (1657 человек) студентов в сентябре 1986 года было обнаружено, что только 37% респондентов готовы лично участвовать в проведении перестройки [Васильева и др.: 24]. Учиты-

¹ Банк данных социологических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (БДСИ ФНИСЦ РАН), исследование № 157.

² БДСИ ФНИСЦ РАН, исследование № 322.

вая, что это заявление является чисто декларативным, реальный уровень готовности к практическому участию, очевидно, должен был быть существенно ниже. Опрос проходил в крупных городах (Москве, Алма-Ате, Архангельске, Владивостоке, Иркутске, Риге, Свердловске, Фрунзе, Харькове) среди одной из наиболее активных социальных групп, к тому же находящейся под непосредственным воздействием (через кафедры общественных наук, ВЛКСМ и т.п. структуры) государственной информационной машины. И в этой-то социальной группе уже в 1986 году практическая поддержка перестройки может быть оценена максимум в 37%. Значит, среди остального населения СССР она должна была быть, в среднем, заведомо менее выраженной. Именно это зафиксировало всесоюзное исследование общественного мнения, проведенное АОН при ЦК КПСС в апреле 1989 года. По данным опроса 4133 рядовых работников всех основных отраслей и 889 партийных советских и хозяйственных руководителей, среди первой группы «сочувствовали перестройке» 54,3%, но активно участвовали только 26,2%, среди второй, соответственно, 40,5% и 30,9% [Политическое сознание...: 17-34]. Таким образом мы получаем уровни общей поддержки в 80,5% и 71,4% – значительное большинство как населения, так и административного аппарата. Но хотя бы разговором о реальном участии она сопровождается менее, чем у 1/3 респондентов, даже среди тех, кто представлял советскую элиту. Декларативность массовой поддержки была хорошо видна со стороны. Так, опросы в Горьковской области показали, что даже в 1989 году подавляющее большинство (94%) трудящихся наблюдали среди своего окружения полную пассивность в отношении перестройки [Гордин, Гордина: 139].

Косвенно судить об искренности поддержки и объяснять ее высокий уровень в рамках нарратива «энтузиазм-разочарование» помогает его второй логический элемент – тезис о том, что перестройка отвечала ожиданиям населения и его желанию перемен. Несомненно, желание перемен в советском обществе второй половины 80-х годов могло быть велико. Но каких перемен ждали люди и видели ли они обещание этих перемен в перестройке? Исследование Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 1989 года показало, что с точки зрения простых советских людей им более всего не хватало материального достатка (56%), в то время как нехваткой политических прав было озабочено существенное меньшинство – всего 14% [Советский простой... 1993: 46]. Тогда же всесоюзный опрос ВЦИОМ показал, что в качестве возможного доказательства положительных сдвигов большинство населения (51,8%) видит появление прилавков, полных продуктов, 47,4% – устойчивость цен и только 26,4% – возможность свободно высказываться¹. Опрос, проведенный АОН в 1990 году, показал, что наиболее заботившими население проблемами были ухудшение экономического положения (62%) и снижение благосостояния (56%), в то время как ни один

¹ Омнибус ВЦИОМ 1, 1989 [эл. ресурс]: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=921 (дата обращения: 20.09.2021).

вопрос политической повестки дня не набрал более половины голосов респондентов [Артемов: 94]. И спустя 20 лет после начала перестройки среди тех, кто считал, что она требовалась советскому обществу, более половины (52%) называли в качестве проблемы, которую нужно было решить, «низкий уровень жизни большинства людей, дефицит товаров и услуг» [Горшков, Петухов 2005: 377]. По-видимому, главным (и вполне понятным) желанием советских людей в конце 80-х годов были улучшения повседневной жизни, характера и уровня потребления, а не политические трансформации.

Можно предположить, что центральная роль приземленных материальных интересов была следствием ухудшения положения населения и/или изменения его ценностей в период перестройки. Однако закрытые социологические исследования, проводившиеся до начала перестройки, в 1976-1980 гг., показывали ту же картину. На выборке в 9050 человек, опрошенной в Москве, Мурманске, Мончегорске, Перми, Пензе, Орске, Краснодаре, Сочи, среди всех основных социальных групп молодежи (молодые рабочие, ИТР, служащие, интеллигенция, не занятая на производстве в возрасте до 35 лет, учащиеся старших классов средней школы и ПТУ, а также студенты вузов и техникумов) значимость материального благосостояния колебалась от 53,8% до 77,5% по разным группам, в отдельных городах (например, среди рабочих Мончегорска) достигая 100% [Иванов: 198].

Таким образом, население и до, и во время перестройки хотело изменений во вполне конкретном направлении – в улучшении уровня своего благосостояния, в приближении стандартов потребления к западным образцам. В то время, как политические трансформации сами по себе мало интересовали и привлекали простых людей. Соответственно, проверка второго тезиса может быть сведена к вопросу: как видело перестройку советское общественное мнение – как улучшение экономического положения людей или как чисто политический, лично неинтересный проект? Имеющиеся данные позволяют утверждать, что верно скорее второе предположение. Например, во всесоюзном опросе ВЦИОМ в марте 1989 г. был задан вопрос «Какие изменения в нашей жизни вы считаете проявлением перестройки?», на который 57,8% респондентов выбрали вариант ответа «гласность, правдивость информации в печати, по радио, на телевидении», 41,4% – «переход предприятий на хозрасчет, самофинансирование, самоокупаемость», 32,7% – «сокращение управленческого аппарата», 27,9% – «новые формы хозяйствования», 24,0 – «выборы народных депутатов из нескольких кандидатов», 15,7% – «изменения в устройстве высших органов государственной власти»¹.

Итак, перестройка видится респондентам как преимущественно политическая или политэкономическая трансформация, связанная, в первую очередь, с гласностью, а не с улучшением бытовых условий и уровня потребления. Но, согласно опросу «Общественное мнение о проблемах гласности и информированности населения», достигнутый уровень гласности удовлетворял большинство жи-

¹ Омнибус ВЦИОМ 3, 1989 [эл. ресурс]: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=922 (дата обращения: 20.09.2021).

телей страны (53,5%) еще в самом начале перестройки – в 1986 году¹. Исследование «Отношение населения Москвы к XXVII съезду КПСС» в апреле 1986 года показало, что «отсутствие гласности в решении важных вопросов» считали первоочередной проблемой всего 17,3% москвичей². Кроме того, и само понимание «гласности» простыми советскими людьми часто было далеко от идей либерализации и свободы слова [Doucette].

Из сопоставления выявленных потребностей, связанных с материальным благополучием и не связанных с гласностью и политическими правами, и того образа перестройки, как, прежде всего, усиления гласности, который сложился в общественном мнении, можно сделать достаточно уверенный вывод о том, что перестройка не отвечала ожиданиям основной массы советских граждан, не представлялась им реализацией, по крайней мере, наиболее желаемых для них перемен. Поэтому-то в обозримом будущем – на горизонте 5 лет – перемен ключевому в жизни простых людей от перестройки в 1989 г. ожидали всего 18,8% населения, а остальные либо не видели перспектив улучшения вообще, либо отодвигали их более, чем на 10 лет вперед³. Следовательно, второй тезис, на котором основывается нарратив «энтузиазм-разочарование», также можно признать несоответствующим эмпирическим данным.

Проверка третьего тезиса – о снижении уровня поддержки перестройки по мере ухудшения ситуации в стране – сталкивается с существенной трудностью, заключающейся в сопоставимости данных. Для определения динамики показателя требуется его относительно единообразное измерение на всем протяжении анализируемого периода, иначе наблюдаемые изменения могут быть артефактами разницы в методиках. Эмпирическая проверка третьего тезиса должна опираться на сопоставление сразу двух переменных – уровня поддержки перестройки и субъективной оценки благополучия населения (объективные показатели, такие как уровень ВВП на душу населения в данном случае не годятся, так как влияют на формирование общественного мнения опосредованно). Ни одно отдельное исследование не содержит такого рода рядов сопоставимых данных. Однако в нашем распоряжении имеются несколько опросов, проводившихся по сопоставимым методикам в различные периоды перестройки. Они позволяют сравнивать между собой, по меньшей мере, отдельные парные годы. Благодаря этому, «зацепляя» пары сопоставимых годов друг за друга, мы можем проследить общую динамику (пусть и весьма приблизительную) интересующих нас показателей на достаточно длительном промежутке времени.

Это следующие повторяющиеся исследования, данные которых представлены в таблице (таблица 1):

¹ БДСИ ФНИСЦ РАН, исследование № 259.

² БДСИ ФНИСЦ РАН, исследование № 188.

³ Омнибус ВЦИОМ 13, 1989 [эл. ресурс]: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=929 (дата обращения: 20.09.2021).

Всесоюзный мониторинг по вопросам социально-экономического развития промышленных предприятий, волны 1987, 1988, 1989 и 1990 гг.¹;

Исследования политического сознания АОН при ЦК КПСС [Политическое сознание трудящихся... 1988; Политическое сознание и его роль... 1990];

Повторяющиеся телефонные опросы населения Москвы [Маринов].

Таблица 1. Сопоставление субъективной оценки благополучия и уровня поддержки перестройки (в % от участников соответствующего опроса) / Comparison of the subjective assessment of well-being and the level of support for restructuring (participants in the corresponding survey, %)

Источники данных	Выбранный ответ	1987	1988	1989	1990
БДСИ, исследования № 253, 328, 385, 506	Перестройка – это крайне необходимая, вызванная объективным состоянием дел, мера	86	81	83	71
БДСИ, исследования № 385, 506	В целом за последние 2-3 года стали жить хуже			45	63
Политическое сознание... 1988; Политическое сознание... 1990	После 1985 года жизнь ухудшилась	9		26	
Маринов: 28	Материальное положение за последние 3 года ухудшилось		12	25	

В трактовке приведенных в таблице данных, прежде всего, отметим наблюдающееся неуклонное снижение уровня жизни, ощущавшееся населением СССР с 1987 по 1990 годы. Доля респондентов, негативно оценивающих происходящие изменения, неуклонно растет во всех сравнительных исследованиях, причем этот рост с 1987 по 1990 год является кратным: с 1987 по 1989 эта доля увеличилась в три раза, с 1988 по 1989 – в два раза, в 1990 году она превысила 50%. Параллельно, с 1987 до 1990 года уровень поддержки перестройки снизился незначительно – на 15%, при сохранении подавляющего большинства одобряющих ее.

Еще в августе 1990 года полностью и частично поддерживали политику перестройки 62% участников опроса ВЦИОМ², но уже в январе 1991 года положительную (высокую и очень высокую) оценку перестройке давали всего 18% респондентов³. Результаты опросов АОН при ЦК КПСС также зафиксировали перелом в отношении к перестройке именно в конце осени 1990 года⁴.

¹ БДСИ ФНИСЦ РАН, исследование № 253, 328, 385, 506.

² Омнибус ВЦИОМ 12, 1990 [эл. ресурс]: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=947 (дата обращения: 20.09.2021).

³ Омнибус ВЦИОМ 1, 1991 [эл. ресурс]: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=958 (дата обращения: 20.09.2021).

⁴ Бойков В.Э. Перестройка, идеология, авторитет партии // Диалог: журнал ЦК КПСС, 1991, № 4. С. 3.

Несмотря на всю неполноту данных и некоторую условность сопоставлений, картина вырисовывается достаточно ясная. «Разочарование» в перестройке шло не параллельно субъективному ухудшению качества жизни, а скорее отставало от него, и затем усугубилось в очень короткий промежуток времени (приблизительно, в конце 1990 года). Конечно, этот промежуток совпал с обострением экономического и политического кризиса, что дает приемлемое объяснение стремительного «испарения» поддержки. Но правомерным также оказывается альтернативное объяснение, которое состоит в том, что «разочарование» в перестройке было вовсе не сокращением уровня искренней поддержки по мере ухудшения экономической ситуации, а следствием изменения политической системы, которая больше не воспринималась как обязывающая высказывать такую поддержку. Действительно, если одобрение Горбачева и проводимой им политики перестройки было следствием его властной позиции, а не наоборот, то и потеря властных позиций вслед за избранием Ельцина председателем Верховного совета РСФСР и «парадом суверенитетов» лета – осени 1990 г. должна была неизбежно вести к резкому изменению уровня одобрения, что мы и наблюдаем.

Выводы. Итак, детальное исследование института российского общественного мнения в исторический момент становления его современного вида показало, что критические интерпретации общественной поддержки политического режима, существующего сегодня, различные гипотезы о «спирали молчания» и «фальсификации предпочтений», вполне применимы и к общественной поддержке перестройки. Преобладающая в современном изложении истории общественного мнения модель поддержки перестройки, описываемая формулой «энтузиазм-разочарование», базируется на трех основных допущениях: особо интенсивном характере принятия перестройки населением СССР, соответствии замысла перестройки ожиданиям населения и сокращении поддержки по мере ухудшения ситуации в стране. Однако проведенный анализ опросных данных показывает, что все три тезиса не вполне соответствуют эмпирическим фактам. Декларативный энтузиазм в отношении перестройки по своему уровню не отличается от декларативного энтузиазма в случае с другими политическими действиями руководства СССР того времени вплоть до конца 1990 года – когда это руководство начинает очевидно терять власть. Перестройка как, прежде всего, политическая трансформация, не связывается советскими людьми с наиболее желаемым ими ростом своего благосостояния и уровня потребления. И, наконец, профиль изменения поддержки перестройки больше похож на исчезновение дежурного одобрения действий руководства после его смены, чем на постепенное разочарование в результате возникших трудностей. По-видимому, более соответствующей эмпирическим данным оказывается гипотеза, высказанная, в частности, И. Земцовым и В. Шляпентохом, о том, что большая часть населения с самого начала восприняла перестройку настороженно-индифферентно. Соответственно, к 1991 году в результатах социологических опросов могло наблюдаться не разочарование ею, а просто повышение искренности ответов.

«Всенародное» принятие перестройки на первом этапе, по всей видимости, есть не что иное, как политический миф, сформировавшийся в результате (сознательного или бессознательного) неразличения советским руководством декларативной и активной поддержки проводившихся преобразований. Доля тех, кто придерживался этой второй позиции – истинных сторонников перестройки – судя по приведенным данным, на протяжении всего периода 1986-1991 гг. не превышала 1/3 от населения СССР. Спустя 20 лет всего 23% россиян вспоминали, что они полностью поддерживали перестройку с самого начала. [Горшков, Петухов: 379]. Близок к этим данным показатель в 18% тех, кто высоко оценивал перестройку в условиях кризисного 1991 года. Вероятно, это и есть истинные сторонники перестройки, и это примерно те люди, для которых первоочередную важность представляли политические права, гласность и демократизация.

Остальное же население, исходя из своего плачевного уровня благосостояния, ориентировалось на материальные интересы, а потому не было мотивировано оказывать поддержку перестройке и лично Горбачеву, и не оказывало ее в критические для коллапса советской системы моменты.

При этом не приходится сомневаться в том, что у перестройки были существенные как по численности, так и по влиянию группы поддержки в советском обществе, иначе она не привела бы к тем масштабным последствиям, которые наблюдались. Проводя аналогию с сегодняшним днем, можно прийти к выводу о том, что критическая оценка замеров общественного мнения в терминах «спирали молчания», «фальсификации предпочтений» и «авторитарного смещения» в значительной степени бьет мимо цели, так как пытается показать завышение общего уровня поддержки, не различая ее на декларативную и активную. В то время как истинную роль общественного мнения в политических событиях определяет пропорция между первым и вторым, между словами, которые готовы произнести участники опросов и делами, которые они готовы совершить.

Источники

Артёмов А.В. (2015). Образ Перестройки в 1990 году: противоречия восприятия (на материале социологического исследования) // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия: социально-гуманитарные науки. Челябинск. Том 15. № 2. С. 91-96.

Башкирова Е.И., Кизиченко Ю.В. (1989). Отношение советского и американского народов к внутривнутриполитическим проблемам // Ценности массового сознания в СССР и США / отв. ред. В.С. Коробейников. Москва: ИСИ АН СССР. С. 46-55.

Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. (2011). Перестройка и крах СССР. 1985-1993. СПб.: Норма.

Бурдые П. (1993). Социология политики. М.: Socio-Logos.

Васильева Е.П., Кинсбургский А.В., Коклягина Л.А., Семенова В.В., Топалов М.Н., Чупров В.И. (1987). Отношение студентов к общественным наукам // Социологические исследования. № 4. С. 20-24.

Горбачев М.С. (2006). Понять перестройку...: почему это важно сейчас. М.: Альпина Бизнес Букс.

- Гордин А.А., Гордина Е.Д. (2018). Социологические опросы в Горьковской области как инструмент изучения общественно-политической позиции граждан в годы перестройки. На материалах архивов Нижегородской области // Вестник архивиста. № 1. С. 135-145.
- Горшков М.К. (1988). Общественное мнение: история и современность. М.: Политиздат.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (2005). Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / сост. В.Б. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс. С. 374-413.
- Грачев А.С. (2001). Горбачев. М.: Вагриус.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. (2012). Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. №1. С. 5-31.
- Заславская Т.И. (1991). Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. № 8. С. 3-21.
- Заславская Т.И. (2002). Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. М.: Дело.
- Здравомыслова О.М. (2005). Перестройка и «фактор Горбачева» в общественном мнении Запада и СССР, 1985-1991 гг. // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) / сост. В.Б. Кувалдин. М.: Альпина Бизнес Букс. С. 354-373.
- Земцов И. (1989). Реальность и грани перестройки. London: Overseas.
- Злобин Н.В. (1989). Пути перестройки: опыт и современность. М.: Высшая школа.
- Иванов В.Н. (2018). Социология в СССР. Записки директора института. М.: У Никитских ворот.
- Коваль Т. (1997). Экономическая реформа и общественное мнение // Пять лет реформ / Под ред. В. Мау, Н. Главацкой. М.: ИЭПП. С. 239-282.
- Кон И.С. (1988). Психология социальной инерции // Коммунист. № 1. С. 64-75.
- Котц Д.М., Вир Ф. (2016). Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия. М.: URSS.
- Левада Ю.А. (1993). Советский простой человек. М.: Мировой океан.
- Левинсон А. (2019). Соцопросы как особый исторический источник для изучения 1990-х // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 3. С. 103-106.
- Лигачев Е.К. (2010). Кто предал СССР? М.: Алгоритм.
- Лиджи-Горяева С.Э. (1989). Проблемы развития общественно-политической активности трудящихся в условиях перестройки // Социалистический образ жизни и перестройка (на материалах Калмыцкой АССР) / отв. ред. И.Е. Намсинов. Элиста: КНИИФЭ. С. 23-44.
- Лукьянов А.И. (1999). В водовороте российской смуты. Размышления, диалоги, документы. М.: Книга и бизнес.
- Маринов В.А. (1990). Становление нового политического мышления и стереотипы прошлого (по результатам исследования для журнала «Тайм») // Проблемы становления нового мышления / под ред. В.Н. Иванова. М.: ИСИ АН СССР. С. 22-45.
- Медведев Р.А. (2006). Как начиналась перестройка. М.: Права человека.
- Мельвиль А.Ю. (2017). Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. №1. С. 29-45.
- Политическое сознание и его роль в перестройке и обновлении общественных отношений (1990) / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС.
- Политическое сознание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития (1988) / под ред. Ж.Т. Тощенко, В.А. Щегорцова, А.И. Яковлева. М.: АОН при ЦК КПСС.
- Тощенко Ж.Т. (1990). Состояние и противоречия общественного сознания к концу 1988 года // Социология перестройки / под ред. В.А. Ядова. М.: Наука. С. 81-96.
- Уледов А.К. (1990). Духовное обновление общества. М.: Мысль.

- Фицпатрик Ш. (1996). Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ. С. 387-413.
- Шубин А.В. (2007). Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече.
- Doucette C. (2021). Glasnost in the mailroom: The soviet subject in Gorbachev's perestroika, 1985–1988. *Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 48. No. 2. P. 171-188.
- Finifter A.W., Mickiewicz E. (1992). Redefining the political system of the USSR: mass support for political change. *American political science review*. No. 4. P. 857-874.
- Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., Reuter O.J. (2017). Is Putin's popularity real? *Post-soviet affairs*. No. 1. P. 1-15.
- Kalinin K. (2018). Linking preference falsification and election fraud in electoral autocracies: the case of Russia. *Political studies (Polis)*. No. 1. P. 81-99.
- Kalinin K. (2016). The social desirability bias in autocrat's electoral ratings: evidence from the 2012 Russian presidential elections. *Journal of elections, public opinion and parties*. No. 2. P. 191-211.
- Marples D.R. (2013). The collapse of the Soviet Union: 1985-1991. London: Routledge.
- Rogov K. (2017). Political reaction in Russia and «party groups» in Russian society. *Russian politics & law*. No. 2. P. 77-114.
- Shlapentokh V. (1990). Public opinion in Gorbachev's USSR: Consensus and polarization. *Media, culture & society*. No. 2. P. 153-174.

■ ■ ■ The Genesis of Public Opinion in Modern Russia (the case of support for Perestroika)

Babich N.S.

Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Abstract. The article is devoted to the problem of the reliability of the picture of Russian public opinion, which emerges from the polling data. A historical approach to this problem is proposed on the example of testing the generally accepted assumption about the initially high level of support for perestroika in Soviet society. The paper shows that the generally accepted assumption is based on three theses: (a) a particularly high level of support for perestroika at the initial stages; (b) the perception of the idea of perestroika by the population as meeting its needs; (c) the gradual decline in support for perestroika due to the difficulties encountered. The author dwells on each of them and demonstrates that they do not correspond to the available empirical data. The results of a comparative analysis show that (a) support for perestroika was not higher than the usual levels of approval of the Soviet leadership by the population; (b) the population did not associate their most actual expectations with perestroika; (c) the decline in support for perestroika did not occur in parallel with the fall in living standards, but simultaneously, after the weakening of Gorbachev's power. By analogy with public support for Perestroika, we can conclude that the possible overestimation of the overall support for the political regime in modern Russia is a much less serious problem compared to the internal structure of this support, the distribution of the shares of those who express it declaratively and those who are ready to embody their political attitudes into real actions.

Keywords: Perestroika, Mikhail Gorbachev, public opinion, mass support, opinion polls in the USSR, political reforms, Spiral of Silence

For citation: Babich N.S. (2022). The Genesis of Public Opinion in Modern Russia (the case of support for Perestroika). *Communicology (Russia)*. Vol. 10. No. 1. P. 80-96. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-80-96.

Inf. about the author: Babich Nikolay Sergeevich – CandSc (Soc.), senior researcher at the Institute of Sociology of FCTAS RAS. Address: 117218, Russia, Moscow, Krzhizhanovskogo str., bldg. 24/35, 5. E-mail: sociolog@mail.ru.

Received: 12.10.2021. Accepted: 10.03.2022.

References

- Artyomov A.V. (2015). The Image of Perestroika in 1990: Contradictions of Perception (Based on Sociological Research). *Bulletin of the South Ural State University. Series: social sciences and humanities. Chelyabinsk*. Vol. 15. No. 2. P. 91-96 (In Rus.).
- Bashkirova E.I., Kizichenko Y.V. (1989). The attitude of the Soviet and American peoples to domestic political problems. In: V.S. Korobeinikov (ed.) Values of mass consciousness in the USSR and the USA. Moscow: ISI AN USSR. P. 46-55 (In Rus.).
- Bezborodov A., Eliseeva N., Shestakov V. (2011). Perestroika and the collapse of the USSR. 1985-1993. SPb.: Norma (In Rus.).
- Bourdieu P. (1993). Sociology of politics (transl.). Moscow: Socio-Logos (In Rus.).
- Doucette C. (2021). Glasnost in the mailroom: The soviet subject in Gorbachev's perestroika, 1985–1988. *Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 48. No. 2. P. 171-188.
- Finifter A. W., Mickiewicz E. (1992). Redefining the political system of the USSR: mass support for political change. *American political science review*. No. 4. P. 857-874.
- Fitzpatrick S. (1996). How mice buried a cat. Show trials in rural areas of the USSR in 1937. The fate of the Russian peasantry (transl.). Moscow: RGGU. P. 387-413 (In Rus.).
- Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., Reuter O.J. (2017). Is Putin's popularity real? *Post-soviet affairs*. No. 1. P. 1-15.
- Gorbachev M.S. (2006). Understand Perestroika....: Why It Matters Now. Moscow: Alpina Business Books (In Rus.).
- Gordin A.A., Gordina E.D. (2018). Sociological surveys in the Gorky region as a tool for studying the socio-political position of citizens during the years of perestroika. On the materials of the archives of the Nizhny Novgorod region. *Bulletin of the archivist*. No. 1. P. 135-145 (In Rus.).
- Gorshkov M.K. (1988). Public opinion: history and modernity. Moscow: Politizdat.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (2005). Perestroika through the eyes of Russians: 20 years later. In: V.B. Kuvaldin (ed.) Breakthrough to freedom: About perestroika twenty years later (critical analysis). Moscow: Alpina Business Books. P. 374-413 (In Rus.).
- Grachev A.S. (2001). Gorbachev. M.: Vagrius (In Rus.).
- Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. (2012). Russian parliamentary elections: electoral process under an authoritarian regime. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. No. 1. P. 5-31 (In Rus.).
- Ivanov V.N. (2018). Sociology in the USSR. Notes of the Director of the Institute. M.: U Nikitskih vorot (In Rus.).
- Kalinin K. (2016). The social desirability bias in autocrat's electoral ratings: evidence from the 2012 Russian presidential elections. *Journal of elections, public opinion and parties*. No. 2. P. 191-211.
- Kalinin K. (2018). Linking preference falsification and election fraud in electoral autocracies: the case of Russia. *Political studies (Polis)*. No. 1. P. 81-99.
- Kon I.S. (1988). Psychology of social inertia. *Kommunist*. No. 1. P. 64-75 (In Rus.).

- Kotz D.M., Vir F. (2016). Russia's path from Gorbachev to Putin: the death of the Soviet system and the new Russia. Moscow: URSS (In Rus.).
- Koval T. (1997). Economic reform and public opinion. In: V. Mau, N. Glavatskaya (eds.) Five years of reforms. M.: IEP. P. 239-282 (In Rus.).
- Levada Y.A. (1993). Soviet common man. M.: World Ocean (In Rus.).
- Levinson A. (2019). Opinion polls as a special historical source for the study of the 1990s. *Emergency reserve. Debate about politics and culture*. No. 3. P. 103-106 (In Rus.).
- Lidzhi-Goryaeva S.E. (1989). Problems of development of socio-political activity of workers in the conditions of perestroika. In: I.E. Namsinov (ed.) Socialist way of life and perestroika (based on the materials of the Kalmyk ASSR). Elista. P. 23-44 (In Rus.).
- Ligachev E.K. (2010). Who betrayed the USSR? M.: Algorithm (In Rus.).
- Lukyanov A.I. (1999). In the whirlpool of Russian unrest. Reflections, dialogues, documents. M.: Book and business (In Rus.).
- Marinov V.A. (1990). Formation of new political thinking and stereotypes of the past (according to the results of research for the Time magazine). In: V.N. Ivanova (ed.) Problems of the formation of new thinking. M.: ISI AN USSR. P. 22-45 (In Rus.).
- Marples D.R. (2013). The collapse of the Soviet Union: 1985-1991. London: Routledge.
- Medvedev R.A. (2006). How Perestroika Started. M.: Human rights (In Rus.).
- Melville A.Y. (2017). Neoconservative consensus in Russia? Key components, sustainability factors, erosion potential. *Politiya*. No. 1. P. 29-45 (In Rus.).
- Rogov K. (2017). Political reaction in Russia and «party groups» in Russian society. *Russian politics & law*. No. 2. P. 77-114.
- Shlapentokh V. (1990). Public opinion in Gorbachev's USSR: Consensus and polarization. *Media, culture & society*. No. 2. P. 153-174.
- Shubin A.V. (2007). The paradoxes of perestroika. Lost chance of the USSR. M.: Veche (In Rus.).
- Toshchenko J.T., ed. (1990). Political consciousness and its role in the restructuring and renewal of social relations. M.: AON under the Central Committee of the CPSU (In Rus.).
- Toshchenko J.T., Shchegortsova V.A., Yakovlev A.I., eds. (1988). Political consciousness of workers in the conditions of perestroika and acceleration of socio-economic development. M.: AON under the Central Committee of the CPSU (In Rus.).
- Toshchenko Z.T. (1990). State and contradictions of public consciousness by the end of 1988. In: V.A. Yadov (ed.) Sociology of perestroika. M.: Nauka. P. 81-96 (In Rus.).
- Uledov A.K. (1990). Spiritual renewal of society. M.: Mysl (In Rus.).
- Vasilyeva E.P., Kinsbursky A.V., Koklyagina L.A., Semenova V.V., Topalov M.N., Chuprov V.I. (1987). The attitude of students to the social sciences. *Sociological Studies*. No. 4. P. 20-24 (In Rus.).
- Zaslavskaya T.I. (1991). Socialism, Perestroika and Public Opinion. *Sociological Studies*. No. 8. P. 3-21 (In Rus.).
- Zaslavskaya T.I. (2002). Societal transformation of Russian society: an activity-structural concept. M.: Delo (In Rus.).
- Zdravomyslova O.M. (2005). Perestroika and the "Gorbachev factor" in the public opinion of the West and the USSR, 1985-1991. In: V.B. Kuvaldin (ed.) Breakthrough to freedom: About perestroika twenty years later (critical analysis). M.: Alpina Business Books. P. 354-373 (In Rus.).
- Zemtsov I. (1989). Reality and facets of perestroika. London: Overseas (In Rus.).
- Zlobin N.V. (1989). Ways of perestroika: experience and modernity. M.: Higher school (In Rus.).